

ХУДОЖНИК ДЕТСКИХ ГРЕЗ

Памяти Ф. С. Рожанковского

Совсем недавно ушел от нас удивительный художник, иллюстратор детских книг Ф. С. Рожанковский.

Передо мной на столе стоит в рамке чудесный рождественский сон открытка, нарисованная художником лет десять назад. В центре ярко-зеленая елочка, увешанная украшениями, главным образом, деревянными фигурками животных и пичужек. Тут и слон и тигр, и весь в красных пятнышках жираф, снегирь, дятел и малиновка. Вокруг елки ведут хором зверюги, но какие...

Никто не умел так передать животных как Рожанковский. Его лисы — это или Лисичка-Сестричка или Лиса Патрикеевна; его медведи это наши русские Мишки или Толпыгины. Его лисица в «Дэниэл Бун» (1933 г.) привела всех художественных критиков в восторг. Ее воспроизводили много раз. Это великолепная американская лисица. Но всмотритесь! Русская душа художника умело и тонко повела его карандаш — и американская лисичка смотрит на свет Божий глазами нашей Лисы Патрикеевны.

И вот такая лиса, рыженькая, в ярко-зеленой тирольской шляпе пляшет у елки, взявшись за лапы с медвежонком и яркоглазым енотом. Вместе с ними танцуют белочка (только без золотых орешков), вислухий кролик и толстенький барсук. Не наглядеться!

Другой рисунок, черным по белому, что висит на стене в большой раме, тоже рождественский. Девочка у елки. Слева композиции — большая елка, пушистая, сплошь в украшениях. А на полу сидит девочка — такая русская Марфутка — с упоением разглядывающая подарки... Атмосфера праздника, восторг девочки переданы так хорошо и умело,

что чувствуешь, что своих собственных детских грез художник не забыл. А что может быть ценнее для иллюстратора детских книг! Прав был Дэвид Бланд, который в своей книге «История книжных иллюстраций» (Лондон, 1968 г.), писал: «Когда (в Париже, 30-ые годы) стала выходить его серия «Пер Кастор», это было своего рода историческим событием. Его роль и влияние гораздо сильнее, чем мы себе в этом отдаем отчет».

**

Федор Степанович Рожанковский родился в Митаве в 1891 году. Его отец был сначала преподавателем, потом директором гимназии. Отец рано умер, оставив вдову и пятерых детей. Маленькому Феде не было еще шести лет. Бедность невероятная, и впоследствии художник с большой охотой говорил об этом периоде своей жизни. Его старшие братья были художниками и в доме все и всегда рисовали. Со всем маленьким мальчиком он иллюстрировал для домашних «Робинзона Крузо»; оторвать малыша от бумаги было трудно.

Незадолго до первой мировой войны Рожанковский побывал в Москве. Картины в музеях и у знакомых произвели на него такое впечатление, что он решил стать настоящим художником. Некоторое время учился в школе Рерберга, а потом стал готовиться на конкурс в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества. Он был первым кандидатом из 25 которых приняли. Всего на конкурсе было 300 человек. Среди членов жюри были Коровин и Васнецов, которые сразу его оценили.

В училище он пробыл только год, началась война. Когда его полк стоял в Полтаве, Рожанковский иллюстрировал «Саламбо» Флобера, рисовал иллюстрации к учебникам. Издал серию военных набросков. Потом в Белой армии работал как иллюстратор политических изданий.

Тут он захватил брюшной тиф и он был эвакуирован в Польшу, где он работал иллюстратором для одного журнала, работал и для театров. Конечно, стремился в Париж, куда наконец, и приехал в 1925 году. Увы, его там никто не знал, и он немало намучился, немало голодал пока счастливая случайность не свела его с одним американцем, представителем Харвестера (сельскохозяйственные машины), который его устроил в отдел рекламы своей фирмы. Это было поворотным пунктом, и с начала тридцатых годов Рожанковский работает и творит без устали. Эта пора его деятельности мало известна, ибо некоторое время он рисовал исключительно рекламы. Даже иллю-

стрировал каталог для университета Бон Марше, даже рисовал... ботинки!

А потом — издательство Фламарион и удивительные «Альбомы Пер Кастор». Тут художник дал полную волю своему воображению, своей любви к природе, к животным. Такой интерпретации еще никто не видел. Животные его обладали душой, жили на страницах книг своей лисьей, енотовой, беличьей жизнью. На них не могли насмотреться ни дети, ни взрослые.

Почти в то же время американка Эстер Аверилл издала, по-английски его удивительно «Дэниэла Буна». Как мог русский художник, живущий в Париже, так глубоко понять историю этого индейца и охотни, непостижимо. На днях я разглядывала эту книгу — и диву давалась. В ней особенно четко выявилось умение Рожанковского сочетать текст с иллюстрацией, как бы сплетая и переплетая одно с другим (а не, как делают многие, давая иллюстрацию с подстрочным к ней текстом). Один рисунок особенно запомнился. Это большое дерево, почти во всю страницу. Дерево без листьев, а на его ветвях разные птицы, белочки и т. д. Сказка, чудесная сказка для малышей и взрослых!

Совместно с г-жей Аверилл (она писала текст) было издано еще несколько книг: например приключения Жака Картье, с литографиями, которые один критик назвал «исключительно блестящими».

В Америку Рожанковский приехал в первые годы второй мировой войны. Тут он очень скоро стяжал себе славу. Читатели может быть, помнят книжки «Mother Goose» и «Песенки детской». В первой была сказка о «Трех медведях и девочке». Девочка была настоящей русской Марфуткой, кашу она ела из русской миски русской деревянной ложкой. «И очаровала всех», писали в газетах...

Потом вышла его «Библия», в которой любовь художника к природе, к животным и птицам выявилась особенно четко, как и особенно четко выявился его талант большого и опытного рисовальщика, никогда не забывающего своего учителя-природу.

Всех книг, которые иллюстрировал Рожанковский, не перечесть. Накануне смерти он несколько часов терпеливо и бережно работал над одной иллюстрацией, как всегда, строго согласуя ее с текстом книги, но давая полную волю творческому воображению...

С его уходом сны детворы потускнеют, а заменить Рожанковского нелегко, если не невозможно.

Вера Коварская